

ПРИЮТ ГРЕЗ

*Памяти Фрица Херстемайера
и Лючии Дитрих посвящаю*

I

В цветущих садах веял майский ветерок. От веток сирени, нависавших над оградой старой кладки, доносился густой сладкий аромат. Художник Фриц Шрамм медленно бродил по старинным переулкам городка. Время от времени он останавливался — там, где небольшой эркер или старинный фронтон, причудливо вырисовывающийся на фоне вечернего неба, приковывал к себе его взгляд. Рука художника невольно тянулась к альбому для эскизов и быстрыми штрихами набрасывала рисунок. Остановившись в очередной раз, чтобы изобразить на бумаге небольшую полуразвалившуюся калитку, он вдруг улыбнулся, покачав головой, взглянул на карманные часы и зашагал быстрее. Однако вскоре он вновь замедлил шаги и лениво поплелся дальше. Пускай подождут, подумал он, вечер слишком прекрасен.

Перед ним навстречу вечеру шествовали влюбленные парочки.

Отпечаток пьянящего дня, лежавший на всех лицах, скрашивал морщины и неровности кожи — следы нужды, трудов и прожитых лет. Прошлые страдания теперь казались призрачными, как мираж. Приятный вечер прикрыл своими ласковыми руками резкие грани повседневности и провалы в прошлое и как бы говорил тихим голосом: «Погляди на эту весну кругом!

Погляди на весну рядом с тобой!» А майский ветерок словно нашептывал на ухо: «Ни о чем не думай, не ломай себе голову, мир так прекрасен, так прекрасен...» И влюбленные крепче прижимались друг к другу и старались встретиться взглядами.

Несказанное любовное томление принес с собой ветер, напоенный ароматами далеких голубых гор и сиреневых садов окрест.

Фриц Шрамм задумчиво следил глазами за полетом ласточек, радостно кружившихся в синеве неба.

— Лу, — произнес он вдруг и тяжело вздохнул. Мысленно Фриц был весь в прошлом и шагал теперь машинально, не замечая весны. Пройдя вдоль улицы, обрамленной каштанами, он очутился возле дома, отделенного от проезжей части небольшим садом.

Сумерки уже сгустились. На дорожки опустилась сиреневая дымка. Фриц остановился и прислушался. Откуда-то доносилась музыка.

Теперь он уже смог различить нежный женский голос, исполнявший знакомую мелодию под аккомпанемент серебристых звуков рояля. Вечерний ветерок разносил песню по саду. Теперь Фриц смог уже разобрать и слова.

Сердце его перестало биться.

Песня из прошлого зазвучала в ушах, картины былого встали перед глазами, и горячо любимый, давно умолкший голос вновь запел.

Вне себя от волнения Фриц подошел поближе.

Это была та самая песня, которую так часто пела ему Она — Она, Исчезнувшая, Далекая, Ушедшая из жизни Лу..

Вечерний воздух наполнился звуками, порожденными любовной тоской:

Слышу до сих пор, слышу до сих пор
Песню юности моей —
Сколько рек и гор, сколько рек и гор
Развели нас с ней!*

Растревоженный и взволнованный до глубины души, Фриц пересек сад и поднялся по ступенькам. Подойдя к двери музыкальной комнаты, он увидел зрелище столь прелестное, что встал в проеме как вкопанный.

Комната казалась темно-синей из-за сгустившихся сумерек. На рояле горели две толстые свечи. В их свете ослепительно сверкали белые клавиши, распространяя нежные золотистые отблески по всей комнате и обрамляя сказочным сиянием белокурые волосы и нежный профиль молоденькой девушки, сидевшей за роялем. Руки ее небрежно покоились на клавишах. Изящно очерченный рот выдавал легкую грусть, а в синих глазах таилась глубокая печаль.

Фриц тихонько проследовал по террасе дальше. Из какой-то двери навстречу ему вышла хозяйка дома.

— Наконец-то, господин Шрамм, — сказала она сердечно, приглушенным голосом, — а мы уж и не надеялись, что вы к нам заглянете.

— Корите меня, сударыня, — ответил Фриц, склоняясь к ее руке, — это все вечер, этот восхитительный вечер всему виной. Но...

Он указал глазами на дверь в музыкальную комнату.

— Да, у нас новая гостья. Моя племянница возвратилась из пансиона. Однако пойдемте же, госпожа советница Фридхайм уже вне себя от нетерпения. Да вот и она сама.

* *Рюккерт Фр.* Слышу до сих пор. Пер. В. Летучего.

— Ах, ну конечно же. — Фриц обменялся понимающей улыбкой с хозяйкой дома.

Дверь распахнулась, и весьма полнотелая дама, шумя юбками, устремилаь к Фрицу.

— Все же он явился, наш маэстро? — воскликнула она и сжала обе его руки. — Ваши друзья безответственные люди, воистину безответственные. — Она ласково разглядывала его в лорнет. — Просто бросили нас на произвол судьбы. Ведь мы все жаждем услышать из ваших уст обещанный рассказ о благословенной стране Италии.

— Вы правы, сударыня, — улыбнулся Фриц, — но по дороге сюда я немного задержался, чтобы сделать несколько интересных набросков. Я их тоже принес показать вам.

— Вы их принесли? О, как это мило! Дайте же их мне, ах, как интересно!

С этими словами госпожа Фридхайм устремилаь вперед, неся рисунки, в то время как Фриц и хозяйка дома следовали за ней, немного отстав.

— По-прежнему полна энтузиазма, — заметил Фриц. — Будь то импрессионизм или экспрессионизм, будь то музыка, литература или живопись — безразлично: она восхищается всем, что именуется искусством.

— И в еще большей степени — самими людьми искусства, — подхватила хозяйка дома. — Теперь она вознамерилась посадить в седло одного молодого поэта. Вы ведь его тоже знаете, это юный Вольфрам...

— Тот, что носит красные галстуки и пишет свободным стихом?

— Не будьте так язвительны. Молодежи свойственно желание выделиться. Некоторые не могут выразить свое революционное чувство иначе, чем нацепив красный галстук.

— Вчера мне пришли в голову аналогичные мысли, когда я увиделся с нашим славным Мюллером, сапожных дел мастером. Он, отец пятерых детей и муж весьма энергичной жены, в десять вечера обязан быть дома, голосует за консерваторов и вообще добропорядочный гражданин. Но однажды, когда я обнаружил у него на книжной полке несколько томов Маркса и Лассаля, он признался, что читал их давненько — в молодости. Кто знает, кем только он не собирался тогда стать! Но сама жизнь и верноподданический характер, унаследованный им от предков, повернули дело иначе. И главное — он этому только рад. Так что все его запылившиеся молодые мечтания, все его великие планы и идеи в конце концов воплотились лишь в красном галстуке, который он надевает по воскресеньям... Такой красный галстук наводит, что ни говорите, на весьма грустные мысли. А разве с нами, сударыня, не происходит что-то очень похожее? Что в конечном счете у нас остается? Конечно, красный галстук — это не так уж много, но ведь частенько бывает и куда меньше. Локон, выцветшая фотография, затухающие воспоминания... покуда ты сам не станешь для других чем-то аналогичным... Ах, лучше не думать об этом...

— Об этом не следует думать, дорогой друг, — тихо повторила хозяйка дома, — особенно в мае, в такой майский вечер.

— Но именно этот вечер и настроил меня на мрачные мысли. Не странно ли, что как раз красота и счастье внушают человеку самые грустные мысли? Однако на меня минорное настроение навеяло и кое-что другое...

Из гостиной до них донесся трубный голос советницы:

— Да куда же он подевался?

— Вот у кого настроение всегда мажорное, — улыбнулась хозяйка дома и вместе с Фрицем вошла в гостиную.

— Ну наконец-то! — воскликнула советница. — А мы уж тут чуть было не заподозрили неладное, видя ваше желание уединиться!

— Да что вы, — возразила хозяйка дома и указала на свои еще густые волосы. — При моей-то седине?

— Для этого мы все же староваты, — добавил Фриц.

— Бог ты мой, вот это мило: вы — и вдруг староваты, — пророкотала советница. — В ваши-то тридцать восемь лет!

— Болезнь старит.

— А, пустяки, пустые отговорки. Если сердце молодо — весь человек молод! Ну входите же, я распорядилась оставить вам чашку чая!

С этими словами советница, невзирая на отчаянные протесты Фрица, наложила ему на тарелку такую кучу пирожных, что хватило бы на целую роту.

Фриц немного поел и огляделся. Чего-то не хватало. Тут дверь в музыкальную комнату открылась, и вместе с вошедшей юной девушкой в гостиную ворвался аромат сирени.

Хозяйка дома по-матерински нежно обняла ее за плечи.

— Не хватит ли тебе мечтать в одиночестве, Элизабет? Господин Шрамм все-таки пришел к нам...

Фриц поднялся со стула и восхищенно загляделся на очаровательное создание.

— Моя племянница Элизабет Хайндорф. Господин Шрамм, наш дорогой друг, — представила их госпожа Хайндорф.

Два синих глаза взглянули в лицо Фрица, и узкая рука легла в его руку.

— Я немного опоздал, — извинился Фриц.

— Вас легко понять. Когда кругом так красиво, совсем не хочется общаться.

— И все же — в такие минуты тоже тянет к людям.

— По сути — к человеку, которого и на свете-то нет.

— Может быть, к человечеству в этом одном человеке.

— К чему-то безымянному...

— Наша самая светлая тоска никогда не имеет имени...

— Это причиняет такую боль...

— Только в самом начале... Позже, когда все уже знаешь, обучаешься быть скромнее. Жизнь — это чудо, но чудес она не творит.

— О нет, творит! — Глаза Элизабет сияли.

Фрица тронула ее горячность. Он вспомнил свою юность, когда он с той же искренностью произносил те же самые слова. И ощутил горячее желание сделать так, чтобы этому прелестному существу не сломали его веру в чудо.

— Верите ли вы, что в жизни бывают чудеса, милая барышня?

— О да!

— Сохраните эту веру! Несмотря ни на что! Вопреки всему! Она справедлива! Не хотите ли сесть рядом?

Фриц подвинул для нее кресло. Элизабет уселась.

— А вы, господин Шрамм, верите в чудо?

Фриц несколько секунд молча смотрел на нее. Потом сказал четко и ясно:

— Да!

Госпожа Хайндорф подала знак слуге. Тот принес на подносе сигары, сигареты и ликер.

— Можете курить, господин Шрамм, — кивнула она Фрицу.

— Это моя слабость, — сказал Фриц и взял сигарету.

— Пауль, принесите и мне сигарету! — крикнула советница.

— Сигару... — тихонько шепнул слуге Фриц. Тот ухмыльнулся и подал советнице коробку черных гаванских сигар.

— Может, вы принесете мне еще и трубку? — возмущенно фыркнула та.

Увидев, что Фриц засмеялся, она уловила заговор между ними и погрозила пальцем.

— Вы тоже курите? — спросил Фриц у Элизабет.

— Нет, я не люблю, когда женщины курят.

— Вы правы. Не каждой женщине это идет. Вам лично совсем не пойдет!

— Что он говорит? — воскликнула советница, заподозрив еще одну шпильку в свой адрес.

— Мы говорили о курящих женщинах...

— Ну, вы, художник, вряд ли отличаетесь узостью взглядов.

— Верно, но я смотрю на это с художественной точки зрения.

— Как это?

— Разные бывают курильщики.

— Но в любом случае они окружают себя дымовой завесой, то есть наводят туману, — улыбнулась хозяйка дома.

Тут уж засмеялась и советница:

— Потому-то мужчины и курят так много, не правда ли, господин Шрамм?

— Конечно. У мужчин курение — потребность, а у женщин — кокетство!

— Ах, вот как! Вы считаете, что сигарета не доставляет нам никакого удовольствия? Что мы не способны ощутить ее вкус?

— Этого я не думаю. Но женщина может к чему угодно привыкнуть и от чего угодно отвыкнуть, если полагает, что это ей идет или нет.

— Значит, курение мне идет, — иронично улыбнувшись, заметила советница.

— Я сказал: если она полагает! Это еще не значит, что так оно и есть.

— О, маэстро, как вы жестоки.

— Вы, сударыня, находитесь над схваткой. Ведь причина курения у женщин уже указывает, какой женщине можно курить. Именно той, которая кокетничает.

— Вот и отлично, — усмехнулась советница и жадно затанулась.

— Женщина ангельского типа с сигаретой во рту смотрится неэстетично. А демонический тип может благодаря сигарете выглядеть весьма обольстительно. И вообще — черноглазой брюнетке курение идет больше, чем светловолосой. Женщины инстинктивно чувствуют это. Вот почему на юге гораздо больше заядлых курильщиц.

— Я этого не люблю, — заметила Элизабет.

Сквозь открытое окно издалека донеслось пение.

Разговор перешел на обыденные темы. Фриц в задумчивости откинулся на спинку кресла, окутавшись колечками голубоватого дыма. Он думал о своей неоконченной картине, стоявшей на мольберте. Она должна была называться «Спасение» и изображать сломленного горем мужчину и девушку, нежно глядящую его по волосам. Для мужчины он уже нашел натурщика. И теперь ожидал, когда счастливый слу-